

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ «КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и птучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопротивасание бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строгитвая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фея Альп
Первые ласточки
Капризы юной леди
Мечта влюбленного мальчишки
Родовос поместье

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая двсочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Хочу «Оскар»!

НОРА РОБЕРТС

Красная лилия
Небо Монтаны

НОРА РОБЕРТС

Небо Монтаны

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Nora Roberts
MONTANA SKY

Copyright © 1996 by Nora Roberts

This edition published by arrangement with Writers House
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Э. Гришиной
Художественное оформление С. Власова

Робертс, Нора.

P58 Небо Монтаны / Нора Робертс ; [пер. с англ. Э. Гришиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-94710-2

По завещанию отца три его дочери, никогда прежде не встречавшиеся, вынуждены вместе прожить год на ранчо в Монтане. Вспыльчивая, отважная Уилла враждебно встретила старших сестер, вторгшихся в ее владения ради наследства. Ей и без того хватает забот — разобраться бы в своих сложных отношениях с соседом Беном Маккинтоном. Но когда на ранчо и вокруг него стали происходить страшные, загадочные убийства, только поддержка сестер и любовь верного Бена помогают ей выстоять.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Э. Гришина, перевод на русский язык,
2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-94710-2

Часть I

ОСЕНЬ

Прекрасный и смертью отмеченный год.
А.Е. Хусман

1

Джек Мэрси и после смерти не перестал быть сукиным сыном. Когда человек шестьдесят восемь лет живет хищником, за неделю, прошедшую после его кончины, отношение к покойному не меняется. Многие из пришедших на похороны не постеснялись бы сказать это и вслух.

Во всяком случае, нечто в этом роде нашептывала мужу на ухо Бетанна Мосбли во время траурной церемонии. Стоя возле высокой кладбищенской ограды, Бетанна уже в который раз сообщила своему супругу, что пришла на похороны лишь из сочувствия к юной Уилле. О мыслях и переживаниях своей жены Боб Мосбли был подробнейшим образом извещен еще по дороге на кладбище, а потому лишь хмыкнул в ответ. За сорок шесть лет совместной жизни он привык к тому, что миссис Мосбли не умолкает ни на минуту, и научился отключаться. Отключился он и теперь — заодно, чтобы не слышать и монотонного бормотания священника.

Не то чтобы Боб испытывал к покойнику теплые чувства. Как и все нормальные люди, проживающие

в штате Монтана, Боб ненавидел старого ублюдка, туда ему и дорога.

Но смерть есть смерть, размышлял Мосбли. Вон сколько народу собралось, чтобы проводить эту скотину в ад, где ему самое место.

Кладбище располагалось в укромном уголке ранчо «Мэрсси», в тени высоких гор, у берега Миссури. Здесь собрались скотоводы и ковбои, бизнесмены и политики. А вокруг расстилались бескрайние пастбища, где пасся скот, бродили конские табуны. Вот какое место для вечного упокоения выбрали себе члены семейства Мэрсси.

Джек подготовился к новоселью основательно: сам заказал полированный гроб каштанового дерева, велел украсить крышку золотыми виньетками «Мс» — своим фирменным тавро. Изнутри гроб был обит белым атласом, Джек улегся туда в своих парадных сапогах змеиной кожи, любимой широкополой шляпе, да еще с кнутом в руке.

Он умер так же, как жил, — плевать ему было на всех.

Говорят, Уилла уже заказала надгробный камень, выполняя волю отца. На глыбе белого мрамора (гранит для Джексона Мэрсси был недостаточно хорош) должны высечь текст его собственного сочинения:

Здесь лежит Джек Мэрсси.
Он жил как хотел и умер так же.
К чертовой матери всех,
кому это не нравилось.

Камень установят на могиле, когда осядет земля, и Джек Мэрсси окончательно утвердится здесь, среди

своих предков, первый из которых, Джебидия Мэрси, прапрадед Джексона, пришел через горы на эту землю и объявил ее своей. Его могила на кладбище самая старая, а самая свежая принадлежала последней из трех жен Джека. Этой жене повезло — она умерла прежде, чем Джек выставил ее за дверь.

Любопытно, размышлял Боб, что жены рожали старому черту исключительно дочерей, хотя он всю жизнь мечтал о сыне. Здорово подшутил господь над ублюдком, всю жизнь шагавшим по головам и сердцам других людей. Все ему дал господь, а главного желания не исполнил.

Боб хорошо помнил каждую из жен Джека, хотя ни одна из них не задержалась на ранчо. Все они были красотки хоть куда, да и их дочери, прямо скажем, не уродины. Бетанна, как узнала, что две старшие дочери Джека прилетают на похороны, так с тех пор с телефона и не слезала. Еще бы, ведь старшие девчонки, что одна, что другая, не были на ранчо с раннего детства.

Ни им, ни их мамашам сюда ходу не было.

С отцом жила только Уилла. Тут уж Джек при всем желании сделать ничего не смог бы — ведь мать девочки умерла, когда Уилла была совсем малюткой. Родственников никаких, сплавить малышку некуда, так что пришлось Джеку доверить дочку своей экономке. Бесс уж постаралась, растила девочку как умела.

Каждая из дочек чем-то похожа на папашу, думал Боб, разглядывая всех троих из-под широких полей своей шляпы. Раньше они ни разу не встречались, видели друг друга впервые, а сразу видно, что сестры: темные волосы, остренький подбородок. Время пока-

жет, смогут ли они найти общий язык. И еще время покажет, под силу ли Уилле управлять двадцатью пятью тысячами акров пастбищ. Скоро станет ясно, в отца она пошла или нет.

Уилла не думала о похоронах. Она думала о ранчо, о том, сколько впереди всяких дел. Утро было ясное и чистое, горы пестрели такими яркими красками, что больно смотреть. Казалось, кто-то нарочно размалевал в яркие осенние цвета склоны и долину, но ветер был по-летнему сухим и жарким. Начало октября, а все еще ходят в одних рубашках. Последние погожие денечки, все может измениться в одночасье. В горах уже выпал снег — вон как он окаймил черно-серые хребты, припорошил высокогорные леса. Пора перегонять стада, чинить изгороди, считать поголовье. Да и озимые сеять самое время.

Все теперь на ней, все зависит от нее. Ранчо больше не принадлежит Джеку Мэрсси, оно принадлежит ей — его дочери, снова напомнила себе Уилла.

Священник говорил о вечной жизни, о прощении, о райском блаженстве, о гостеприимно распахнутых небесных вратах. Плевать Джеку Мэрсси и на врата, и на гостеприимство, думала Уилла. Ему вполне хватало собственного ранчо, монтанских просторов, где вдоволь гор и долин, где летает орел и рыщет волк.

Еще неизвестно, где отцу будет хуже — в раю или в аду.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице, когда щегольской гроб опустился в зияющую рану земли. Кожа у Уиллы была смугло-золотистая — спасибо

индейской крови матери да еще жаркому монтанскому солнцу. Черные волосы, заплетенные в небрежную косичку, такие же черные глаза, неотрывно смотревшие на деревянный ящик, где лежало тело ее отца. Уилла не надела шляпы, и солнце вспыхивало в ее глазах огненными искорками. Плакать Уилла себе не разрешила.

Гордое лицо с высокими скулами, чуть вытянутый разрез глаз, обрамленных густыми ресницами. Нос с горбинкой — в восьмилетнем возрасте Уилла сломала его, когда упала с мустанга. Горбинка девушку не смущала — наоборот, Уилла считала, что это придает ее лицу волевое выражение.

Для Уиллы Мэрсии воля значила куда больше, чем красота. Девушка знала, что мужчины красоту не уважают. Пользоваться пользуются, но не уважают.

Уилла стояла на ветру, непокорные пряди бились у ее лица. Невысокая, жилистая, стройная, в мешковатом черном платье и дорогих черных туфлях на высоченном каблуке, — сегодня утром туфли впервые покинули коробку. Девушка двадцати четырех лет, сосредоточенно думающая о ранчо, с сердцем, в котором угнездилось жгучее, испепеляющее горе.

Да, она любила Джека Мэрсии. Любила, несмотря ни на что. Двум чужачкам, в чьих жилах тоже текла его кровь, Уилла не сказала ни слова. Зачем они приехали? Поглазеть, как хоронят их отца?

На один миг, всего на один миг, взгляд Уиллы переместился на могилу Мэри Вулфчайлд Мэрсии. Уилла не помнила матери. На могиле пышно цвели дикие цветы, похожие на груды самоцветов, вспыхивающих под осенним солнцем. Это Адам цветы посадил, по-

думала Уилла и взглянула на своего единоутробного брата. Вот кому не нужно объяснять, почему она не плачет. Слезы не на лице, слезы в сердце.

Адам взял ее за руку, и Уилла крепко стиснула ему пальцы. Он и есть теперь вся ее семья, больше у нее никого нет.

— Он жил так, как ему нравилось, — прошептал Адам.

Голос у него был тихий, спокойный. Если бы не чужие вокруг, Уилла ткнулась бы головой ему в плечо, и тогда, может, ей стало бы немного легче.

— Да. И жизнь его прожита.

Адам оглянулся на двух других дочерей Джека и подумал: что-то кончилось, а что-то начинается.

— Тебе бы поговорить с ними.

— Они спят в моем доме, едят мою еду, этого вполне достаточно, — отрезала она, по-прежнему глядя на могилу отца.

— Они твои сестры, одна кровь.

— Нет, Адам, это у нас с тобой одна кровь. А они мне никто.

Уилла отвернулась от него. Пора было выслушивать соболезнования.

Соседи принесли на поминки еду. Такова давняя традиция, тут уж ничего не поделаешь. А Бесс три дня с утра до вечера готовила снедь для так называемого «скорбного ужина», хоть Уилла и твердила ей, что все это ни к чему. Чушь собачья — какая там скорбь! Народу, конечно, припрется много, но не скорбеть, а глазеть. Многих на поминки пригласили, а еще больше было таких, кто пришел незванным.

Смерть Джека Мэрси отворила ворота его замка, и люди поспешили воспользоваться этим.

Дом Джека Мэрси был настоящим дворцом и полностью соответствовал вкусам хозяина. Когда-то здесь стояла бревенчатая хижина, но с тех пор миновало больше ста лет. Теперь же дом владельца ранчо расползлся по земле бесформенным чудищем из камня, дерева и тонированного стекла. Полы были где деревянные, а где изразцовые. И повсюду ковры, свезенные со всего света. Став хозяином ранчо, первые пять лет он только тем и занимался, что перестраивал свое жилище. Превратил уютный дом в свою крепость.

Джек любил повторять: «Богатые должны жить богато».

Он ни в чем себе не отказывал. Собирал картины, скульптуру, а когда не хватало стен, пристраивал к дому новые помещения.

Вестибюль был имитацией античного атриума. Весь пол выложен плиткой, украшенной рубиново-сапфировым тавро Мэрси. На второй этаж ведет широкая лестница полированного дуба. На самом видном месте — резная колонна в виде воющего волка.

Многие так и застряли в вестибюле, расхаживая взад-вперед с тарелками в руках. Другие перебрались в гостиную. Там вдоль стен стояли удобные диваны розовой кожи, сверкал начищенный паркет площадью никак не менее акра, а над базальтовым камином висел портрет Джека Мэрси верхом на черном жеребце. Голова хозяина была горделиво вскинута, шляпа сдвинута на затылок, рука сжимала кнут из бычьей кожи. Гости поглядывали на портрет

с опаской — многим казалось, что ледяные голубые глаза покойного видят их насквозь, и виски застревало в горле у тех, кто втайне радовался смерти Джека.

Лили Мэрс, вторая дочь Джека, зачатая и рожденная в этом доме, но затем отсюда изгнанная, чувствовала себя совершенно подавленной. Ну и дом, ну и люди, ну и пейзаж! Экономка поселила Лили в комнате, которая показалась ей невероятно красивой. Сейчас Лили забилась в угол и вспоминала эту комнату с тихой тоской: здесь было так тихо, такая мягкая кровать, мебель золотистого дерева, обитые шелком стены...

Тогда, в детстве, ей никто не мешал, она могла наслаждаться одиночеством.

Одиночество, вот чего ей сейчас так не хватало. Лили посмотрела на горы. Ну и горы. Высокие, мощные. Не то что живописные холмики ее родной Виргинии. А сколько неба! Оно тут густо-синее, и еще неизвестно, чей простор шире — небес или земли.

Куда ни кинешь взгляд — пустынные луга, над которыми гуляет необузданный ветер. А сколько красок! Золото, ржавчина, пурпур, бронза. Равнина и горы словно взорвались осенью.

Мощный, красивый ландшафт. И в самом его центре — ранчо. Утром из окна Лили видела, как к серебристому ручью подошел олень напиться воды. На рассвете молодую женщину разбудило конское ржание, мужские голоса, петушиное кукареканье и еще — если, конечно, она не ошиблась — донесшийся откуда-то сверху клекот орла.

Если хватит смелости, можно прогуляться по лесистым склонам гор. Там наверняка можно встре-

тить и лося, и лисицу, и косулю. Во всяком случае, так было написано в брошюре, которую Лили прочитала — нет, не прочитала, а жадно проглотила — в самолете, когда летела в Монтану.

Вот бы ей разрешили задержаться здесь хотя бы на пару дней. Вряд ли. Что же ей делать, куда податься?

Возвращаться назад нельзя. Пока нельзя. Лили осторожно потрогала желтый кровоподтек, густо замазанный макияжем. Наверно, все равно видно, даже темные очки не помогают. Джесс все-таки разыскал ее, хотя она так осторожничала! Он разыскал ее, и постановление суда его не испугало. Его вообще ничем не остановишь, ни разводом, ни постоянными переездами.

Может быть, хоть здесь, за тысячи миль, среди этих просторов, она сможет начать новую жизнь. Жизнь без страха.

Письмо от адвоката, извещавшее о смерти Джека Мэрси и вызывавшее ее в Монтану, было буквально даром господним. К приглашению прилагался билет первого класса, но Лили сдала его в кассу и, трижды назвавшись разными именами, отправилась в Монтану кружным путем через всю страну. Очень хотелось верить, что Джесс Кук ее здесь не отыщет.

Как же надоело бегать, прятаться, бояться...

Хорошо бы поселиться в каком-нибудь из окрестных городков — в Биллингсе или Хелене, найти там работу. Любую работу. В конце концов, она кое-что умеет. Есть диплом учительницы, есть знание компьютера. Вот бы снять маленькую квартирку или хотя бы комнату, попытаться встать на ноги.

Я могла бы здесь жить, думала Лили, оглядывая пугающие своей безграничностью просторы. Может быть, здесь и есть мое место в жизни.

Она испуганно вздрогнула и чуть не закричала, когда кто-то коснулся ее плеча.

Не будь душой, одернула себя Лили. Джессу тут взяться неоткуда.

Джесс — блондин, а рядом с ней стоял брюнет. Бронзовокожий, с длинными, до плеч, волосами. Глаза темные, добрые, и лицо красивое, как на картине.

Но Джесс тоже красивый. Это еще ничего не значит. Красота бывает жестокой, и Лили это знала.

— Извините, — ласково сказал Адам. Таким тоном он обычно разговаривал с маленькими щенками или больными телятами. — Не хотел вас испугать. Чаю со льдом не желаете?

Он увидел, что ее пальцы мелко дрожат, и заставил женщину взять бокал.

— Ясный сегодня денек.

— Да, спасибо, — пробормотала Лили, произвольно делая шаг назад. Она и сама не заметила, когда обзавелась этой привычкой — держать дистанцию, быть наготове. Вдруг придется бежать? — Я просто... загляделась. Здесь так красиво.

— Что верно, то верно.

Лили отпила ледяного напитка, постаралась взять себя в руки. Нужно быть вежливой, спокойной. Когда держишься невозмутимо, задают меньше вопросов.

— Вы живете неподалеку? — спросила она.

— И даже ближе, чем неподалеку. — Он улыбнулся и показал во двор. Голос у него был теплый, сочный, с певучими южными интонациями. — Видите вон там белый домик? За конюшней.

— Да, я обратила на него внимание. У вас голубые ставни, садик, а во дворике спит маленькая черная собака.

Лили еще накануне обратила внимание на этот дом, подумала, что он гораздо уютней и симпатичней, чем домина, в котором ее поселили.

— Это Стручок, — улыбнулся Адам. — Мой пес. Его так прозвали, потому что он обожает жареный горох. Жареный горох в стручках. Кстати, а я — Адам Вулфчайлд, брат Уиллы.

— Вот как?

Лили испуганно покосилась на протянутую ладонь, заставила себя ответить на рукопожатие.

В самом деле, этот человек похож на Уиллу — такое же скуластое лицо, такой же разрез глаз.

— Я и не знала, что у Уиллы есть брат... Значит, мы с вами...

— Нет. — Какая хрупкая у нее рука, подумал Адам. — У вас с Уиллой общий отец, а у меня с ней общая мать.

— Понятно...

Лили смутилась, внезапно поняв, что совсем не думает о человеке, которого сегодня похоронили.

— Вы были близки с... Ну, с ним, с вашим отчимом?

— Он ни с кем не был близок.

Эти слова были сказаны просто, безо всякой горечи.

— По-моему, вам здесь неудобно, — заметил Адам.

Он потому и подошел к этой женщине, что видел, как она дичится окружающих. Жметесь к стенке, словно боится, что ее пихнут или обидят. И еще Адам обратил внимание на тщательно замазанный синяк.